

The book cover features a dark, atmospheric illustration. At the top left, a large, gnarled tree trunk with a long, green, bearded man's face integrated into it dominates the scene. To the right, a skeletal figure with a striped garment is visible. In the center, the title is written in large, white, stylized Cyrillic letters. Below the title, a subtitle in smaller white text is present. The bottom left shows a colorful, mask-like face with large eyes. The bottom center features a large, detailed fish, possibly a salmon, with a patterned body. The bottom right depicts a woman in a red dress with a large, white, horned mask on her head. The background is a dark, textured grey with some green and blue elements.

Антон Нелихов

ДУХИ БОЛЕЗНЕЙ НА РУСИ

Сестры-лихорадки,
матушка Оспа
и жук в ботиночках

МИО

МИФ Культура

АНТОН НЕЛИХОВ

**Духи болезней на Руси.
Сестры-лихорадки, матушка
Оспа и жук в ботиночках**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 398.3
ББК 63.5(2)-73

Нелихов А. Е.

Духи болезней на Руси. Сестры-лихорадки, матушка Оспа и жук в ботиночках / А. Е. Нелихов — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250531-9

Как выглядят духи болезней? Кто такая Марья Иродовна и какие болезни летают по ветру, разыскивая людей? Можно ли остановить холеру... стражником на дороге? В этой книге показан мир русской народной медицины, где многие недуги персонифицированы, а боролись с ними заговорами, обрядами и хитростью: от опахивания деревни на женщинах до ритуальных похорон и прятков. Вы узнаете, зачем делали дырки в младенцах, как колдуны готовили «жабий табак», почему матери запекали детей в печи. И это все не случайные курьезы, а целая система смыслов и практик нашей истории, в которой пугающее становится понятным и увлекательным.

УДК 398.3
ББК 63.5(2)-73

ISBN 978-5-00-250531-9

© Нелихов А. Е., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Болезни в деревне	14
Глава 2. Духи детских болезней	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Антон Нелихов

Духи болезней на Руси. Сестры-лихорадки, матушка Оспа и жук в ботиночках

Научный редактор Ольга Христофорова

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Нелихов А., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Предисловие

В 1910 году провинциальный чиновник ехал по глухой части Казанской губернии и заметил стоявшего на дороге стражника полиции. Чиновник спросил ямщика, зачем в этом месте понадобилась охрана.

– А вот по случаю холеры, – серьезно ответил ямщик. – Сторожит наш уезд и не пускает ее, треклятую, туда!

Вокруг одинокого стражника лежала глухомань. Шумели дебри царевкокшайского леса, на шестьдесят верст в любом направлении не было ни деревни. На пустой, почти безжизненной дороге изредка попадались только домики почтовых станций и маленькие корчмы. Стражник уездной полиции, словно в сказке, караулил злого духа: духа холеры¹.

О том, как именно выглядит холера, крестьяне рассказывали по-разному. Мнений хватало: летающая девица, ночная гигантская птица, священник или нищий с зельем-отравой в сумке, страшная бабка на курьих ножках. Крестьяне надеялись, что стражник во всем разберется и кого следует не пропустит.

Это был не единичный случай. Заградительные посты, в расчете не пропустить холеру, расставлялись и в других уголках империи.

На духов болезней устраивали засады. По деревням рассказывали, что в некоторых уездах получилось избить и даже убить холеру, однако холер оказалось несколько, и уцелевшие разбежались, чтобы дальше губить народ.

Между нашими крестьянами был распространен следующий рассказ:
«Проходили нашим местом две холеры. Одна старая, черная-черная, и другая такая же. Только одна была поменьше, другая побольше. И поставили [...] урядника с десятскими – этих холер не пускать. Когда они пришли, урядник большую-то зарубил, а маленькая проскочила. Вот и умирать от нее, от подлой, стали»².

Подобные духи известны многим культурам. Они бывали невидимыми, а могли превращаться в людей и животных. Они охотились на людей во сне и наяву, поодиночке и в компаниях. Можно составить целую галерею очень странных портретов.

В Сиаме духи болезней расставляли в джунглях липкие сети, словно пауки. В Молдавии дух чумы разбрасывал вокруг деревень соблазнительные приманки: деньги, украшения, красивую одежду, – кто подберет, тот заразится. По тундре бродили покрытые льдом духи насморка. Цыганский дух всех эпидемий был гермафродитом с четырьмя головами кошки и четырьмя

¹ Анекдотический факт из области «холерных» курьезов // Казанский телеграф. 1910. 16 июля. № 5183.

² РКЖБН. Т. 7. Ч. 1. С. 263.

головами собаки. У чукчей дух падучей болезни имел сразу два лица: человека и зверя. Были духи болезней в виде волосатых жуков. Духи, превращающие зараженных в таких же духов.

По китайскому поверью, демоны эпидемии ходили впятером. Четверо были слепыми, пятый – с одним глазом. Их так и звали: «пять господ с одним глазом». Взявшись за руки, они забирались в дома и нюхали спящих. Понюхает один – человек ослабеет, два – заболеет, все пятеро – умрет. Когда они дышали вокруг спящего, его дыхание ослабевало, а животы демонов раздувались³.

С огромной свитой ездил по украинским землям моровая дева, распространяя холеру и чуму. Ее появление предвещали страшные знамения. Возле обреченной деревни сначала замечали огромную страшную бабу в саване, собаку на куриных лапах и с саженным хвостом или летящего над хатами мертвого младенца, а по ночам среди звезд сверкали алые глаза гробовых упырей. Наконец показывалось шествие. Две огромные собаки везли телегу, на которой сидела женщина столь ужасная, что люди умирали от одного взгляда на нее. Вокруг сновали совы, мертвецы и нетопыри. Свита моровой девы увеличивалась: все лежавшее у нее на пути, даже камни и деревья, превращалось в демонов и присоединялось к шествию.

Один мужчина в Подолии увидел свиту холеры ночью в лесу, замахнулся на ближайшего демона топором, а топор вырвался из рук и полетел вслед за моровой девой⁴.

Немало странных историй о духах болезней рассказывали русские крестьяне. Например, о том, что в конце XIX века перед эпидемией холеры с небес сошла комета и приняла образ человека. Рассмотреть ее толком не получалось, потому что от человека-кометы во все стороны сыпались искры. Человек-комета прошел по деревням, не касаясь земли и все время вздыхая, а потом взлетел на небо. На другой день началась холера⁵.

Истории о русских духах болезней мало знакомы широкой публике. Ситуация отчасти была вызвана работой Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, которое занималось изучением крестьянского быта на рубеже XIX и XX веков.

В деревнях европейской части России в интересах бюро сформировали сеть корреспондентов из священников, учителей, чиновников, любителей этнографии. Им отправили анкету с вопросами о жизни крестьян. Вопросы затрагивали едва ли не все сферы деревенской жизни, начиная с внешности жителей и заканчивая их развлечениями, сказками и руганью. Всего 2500 вопросов. Корреспондентам платили за ответы примерно такие же суммы, как журналистам в газетах. Гонорар считали по числу букв (скрупулезно подсчитывали точное их количество) и ставили в зависимость от качества материала. За рукопись в печатный лист (35 тысяч букв) платили от 15 до 30 рублей (на наши деньги примерно 15–30 тысяч рублей)⁶. Всего на работу Этнографического бюро Тенишев потратил около 200 тысяч рублей (примерно 200 миллионов по нынешнему курсу)⁷.

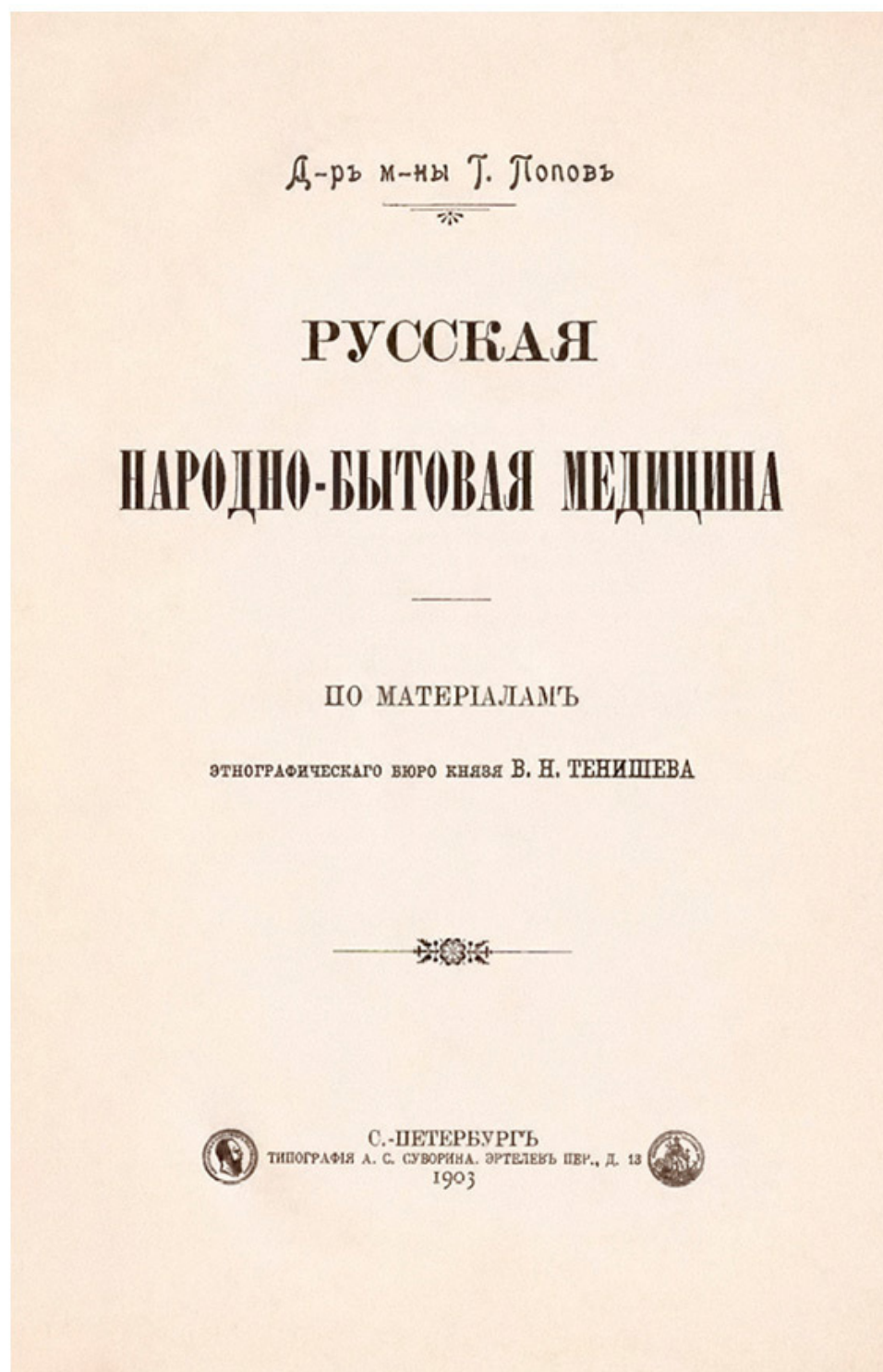
³ Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). М., 1977. С. 215–216.

⁴ М. Троянов Житомирского уезда // Волянь. 1890. № 161; *Высоцкий Н. Ф.* Очерки нашей народной медицины. М., 1911. С. 42; *Краснокутский С. А.* Народные поверья в Малороссии (со слов сельской бабки) // Киевские ЕВ. 1880. № 37 (неофициальная часть); № 38; Народный взгляд на болезни и способы их лечения // Тульские ЕВ. 1872. 15 января. № 2 (прибавления).

⁵ АРЭМ. Д. 1161. Л. 51.

⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб. 1993. С. 13.

⁷ *Чарушин А. А.* Крестьянские переселения в бытовом их освещении // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 18. С. 500.

Титульная страница книги «Русская народно-бытовая медицина» доктора Г. Попова, 1903 г.

Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Д-р мед. Г. Попов. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1903 / из личного архива автора

Результаты превзошли ожидания. В рекордные сроки, за три года (1898–1900), бюро стало крупнейшим обладателем этнографических материалов по русскому крестьянству. Были куплены почти две тысячи рукописей от трехсот пятидесяти корреспондентов из двадцати трех губерний. На их основе Тенишев планировал написать собственный труд о быте крестьян. Но

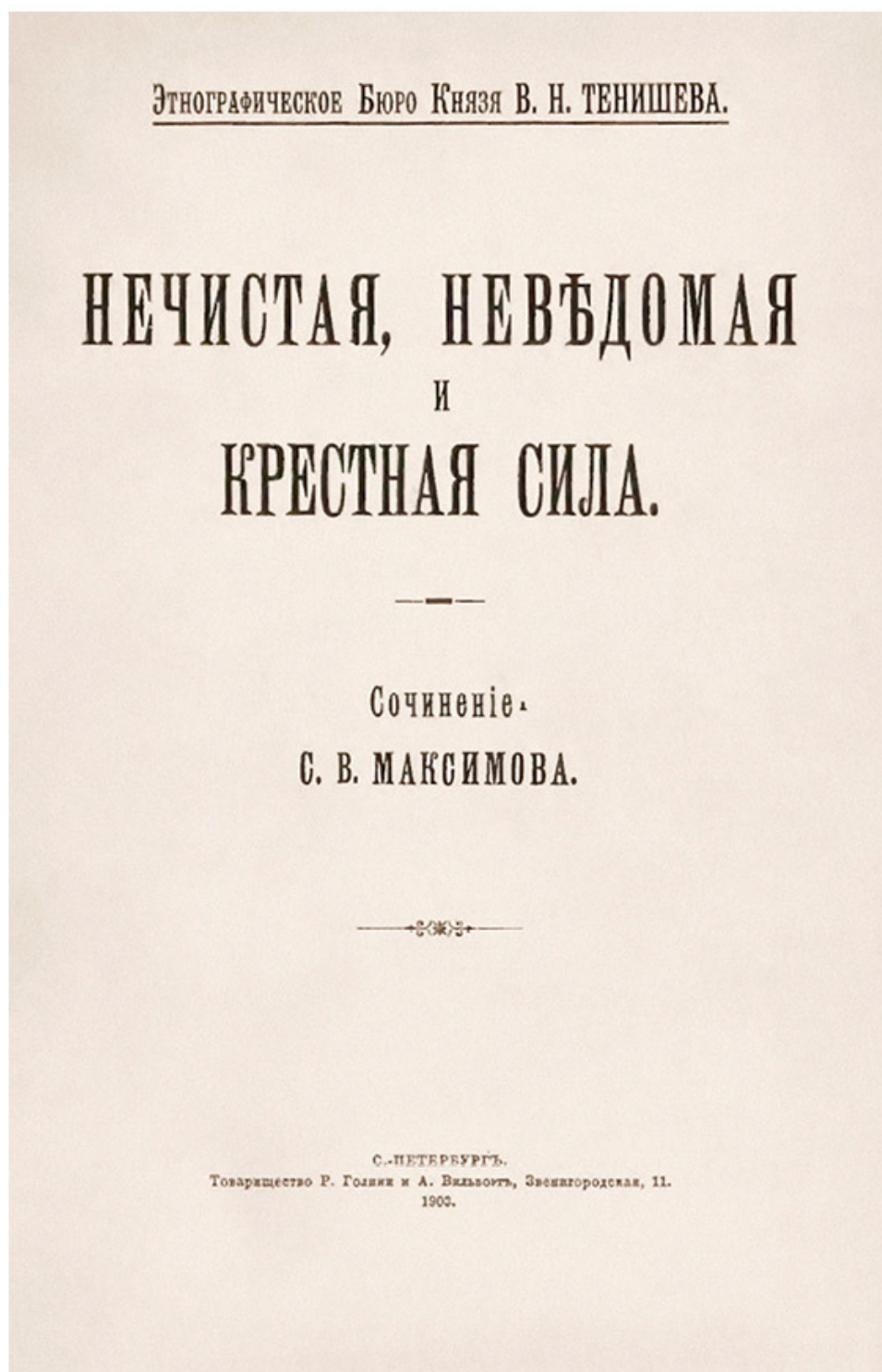
вначале материалы по некоторым темам обработали специалисты. Первыми вышли монографии «Нечистая, неведомая и крестная сила» писателя С. В. Максимова и «Русская народно-бытовая медицина» доктора Г. Попова. По формальным основаниям духи болезней (особенно холера) рассматривались во второй. Максимов упомянул только некоторых и вскользь, но именно его труд стал образцом для последующих популярных работ о русской демонологии.

В результате духи болезней попали в своеобразное «слепое пятно». Большинство обзорных работ по русской демонологии их не учитывало. Однако и в трудах по народной медицине духи болезней упоминались нечасто, потому что авторов больше интересовали способы лечения, а не образы, которые принимали болезни в народном воображении.

У ситуации два исключения. Первое – лихорадки, которым посвящены десятки статей и книг⁸. Ситуация, очевидно, связана с популярностью и важностью образа лихорадок в народной культуре: они представлены в иконописи, есть на лубочных картинках, упоминаются в быличках и заговорах. Второе исключение – порча, которой посвящены в том числе несколько монографий: «Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни» Н. В. Краинского, «Одержимость в русской деревне» О. Б. Христофоровой и другие⁹.

⁸ *Исчерпывающий список литературы см. в:* Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М., 2017.

⁹ Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900; Лахтин М. Бесодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование. М., 1917; Гуськов В. С., Урюпина М. Д. Синдромы одержимости «икотой» (патогенез, клиника, терапия, течение, экспертиза, прогноз). Пермь, 1985; Христофорова О. Б. Одержимость в русской деревне. М.: Неолит, 2016 (2-е изд. 2020).

Титульная страница книги «Нечистая, неведомая и крестная сила» С. В. Максимова, 1903 г.

СПб.: Типография т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1903 / из личного архива автора

Остальные духи болезней упоминались в работах от случая к случаю. И одна из главных задач этой книги – рассказать о них широкому кругу читателей.

Основой книги стали в первую очередь публикации в дореволюционных газетах. О них стоит сказать особо.

Фольклорист М. К. Азадовский называл газетные заметки «затерявшимся фольклором». По его словам, только «время от времени, благодаря отдельным случайным “открытиям”» этот затерянный фольклор «делается известным и становится достоянием исследователей»¹⁰. Число фольклорных заметок и статей в старых газетах необозримо, среди них нередко попадаются уникальные, неизвестные из других источников сведения. Разыскивать их сложно, потому что заметки непрогнозируемо рассеяны в газетах: в одной годовой подшивке может оказаться десяток интересных материалов, в другой – ни одного.

Впрочем, работа со старой прессой сложна по другой причине. Журналисты и корреспонденты считали себя авангардом просвещения, видели свою задачу в борьбе со знахарством и «народными суевериями», которые понимали крайне широко. В «суеверия и предрассудки» записывали что угодно, начиная святочными ряжениями, крещенскими купаниями и заканчивая верой в колдовство.

Газеты не стремились рассказать о культуре и поверьях крестьян. Цель была другой: рассеять «мрак невежества» в деревне. Ее и не скрывали.

В газетах, как правило, отмечали только мрачные стороны крестьянского быта и делали вывод о необходимости уничтожения «устаревшей» традиционной культуры. Не будет большим преувеличением сказать, что в газетах печатались интерпретации, а не факты. Причем интерпретировали люди из других сословий, погруженные в другую культуру, зачастую не понимавшие важности и смысла деревенских обрядов.

Присылавшие корреспонденцию земские врачи и учителя, священники, грамотные крестьяне также стояли на позициях позитивизма и рационализма. А редакторы нередко сопро-вождали их публикации призывом: «Света! Больше света в деревню! Он нужен, чтобы рассеять царство тьмы и невежества».

Идеологическая направленность публикаций привела к тому, что газетные материалы мало используются в работах о традиционной культуре. Однако игнорировать их – непозволительная роскошь, учитывая объем других документов. Думается, если собрать фольклорные публикации в дореволюционной прессе и сравнить с остальными дореволюционными источниками: статьями в научных журналах, монографиями по этнографии, – получится примерно одинаковое число. Скорее, газетных материалов окажется больше. И особенно много свидетельств именно про отношение крестьян к духам болезней. Этим объясняется количество ссылок в книге, явно избыточное для научно-популярной литературы: многие источники впервые вводятся в научный оборот.

Кроме того, широко использовались неопубликованные материалы из архивов Этнографического бюро Тенишева и Русского географического общества.

Третьим источником стали научные публикации по фольклору и этнографии, в том числе современных исследователей. Сведения, записанные после 1917 года, привлекались только по необходимости, если позволяли уточнить и прояснить отношение крестьянского сословия к болезням.

Хронологические рамки исследования в целом можно очертить как последнюю четверть XIX и начало XX века. Региональные различия представлений о болезни и приемов народной медицины не принимались во внимание, чтобы не перегрузить книгу и не запутать читателя.

¹⁰ Азадовский М. Утраченный фольклор // Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН): избранные статьи / сост. А. К. Байбурин, Н. М. Гиренко, К. В. Чистов. СПб., 1995. С. 51.

Глава 1. Болезни в деревне

Русская деревня признавала совсем другие болезни, чем научная медицина. Можно сказать, крестьянин не мог простудиться или отравиться. Простуда, отравление, головная или мышечная боль были для него симптомами других недугов: сглаза, испуга, порчи.

В Орловском уезде дьякон увидел мужика, лежащего животом на мокрой траве, и посоветовал подняться. Крестьянин засмеялся: «Что вам вредно – нам добро!» – и не встал. На другой день захворал, скоро скончался от перитонита (воспаления брюшины). Деревня обвинила дьякона, что он сглазил скончавшегося: «Осурочил. Как глянул, так и съел человека». За дьяконом закрепилась дурная слава, и среди крестьян упорно держался слух: «Не дай-де Бог, если дьякон глянет – несдобровать тогда!»¹¹

В Саратовской губернии священника пригласили к женщине, которая из-за болезни не вставала с постели. У нее свело руки и ноги, она лежала без памяти, бредила и сквернословила. Домашние решили: это последствия порчи, которая села на крестьянку, пока она сметала снег с крыльца. Священник поинтересовался, во что была одета женщина, когда вышла из избы.

– Да какие одежи! Она и пошла-то всего на минутку, смести с крыльчика, вишь, Господь снежку немножко послал.

– Да не разувшись она вышла?

– Сарафанишко-то она накинула, а разувшись-то – правда, что разувшись. Да ведь что там, долго ли! Одна минута.

¹¹ *Noxius*. Орловский уезд // Орловский вестник. 1901. 22 июня. № 162.

Бабы пересуды. Иллюстрация из приложения к газете «Петербургский листок». Известный художник, № 25, 1907 г.

Из личного архива автора

– Очень просто: она простудилась.

– Какая у нас простуда! Видно, на ветру схватила, от злого человека не спасешься...¹²

А вот – согбенная псковская старушка, которая пришла на прием к земскому врачу с температурой за сорок. Доктор определил, что у нее начинается горячка (тиф).

– Што ты, дурашка! Какая горячка! – принялась спорить крестьянка. – Я те говорю, петуна шибко испужалась.

¹² АРГО. Р. 36. Д. 48. Л. 19–19об.

По ее словам, хворь объясняется тем, что петух сильно крикнул, она испугалась, с тех пор ее знобит¹³, а лечить ее надо от испуга.

Список признаваемых крестьянами болезней был не слишком большим, зато каждая болезнь в нем имела почти бескрайний диагноз и очень нечеткие симптомы. Одно и то же название носили десятки заболеваний: «родимец» означал более семидесяти известных медикам болезней¹⁴. С другой стороны, один и тот же недуг в зависимости от обстоятельств признавали за принципиально разные болезни. Герпес мог выскочить из-за поцелуя девицы-лихорадки. А может, это домовый ночью дохнул на спящего. Или села на губы пущенная колдуном по ветру кила. Все три хвори для деревни были разными и лечились по-своему.

Другой пример: головная боль. Для одного знахаря это чемер, то есть приросшая к черепу кожа. Для другого – сглаз. Третий обвинит во всем дурную кровь, которая зря гуляет по телу. Четвертый обвинит лягушку.

В 1903 году в селе Георгиевка на Дальнем Востоке, недалеко от китайской границы, у крестьянина сильно заболела голова. Мужчина отправился к знахарю, который пощупал череп, прислонился ухом и объявил: внутри сидит лягушка, а чтобы избавиться от нее, надо каждое утро прикладывать к голове помело, которым только что выметали из печи угли. Лечиться надо месяц.

Хлеб в деревнях пекли не каждый день – мужчине пришлось ходить по соседям. Вначале его принимали с сочувствием, однако вскоре крестьянки испугались, что лягушка переберется к ним в голову, и перестали пускать больного.

Голова продолжала трещать. Мужчина вернулся к знахарю, он осмотрел его и обрадовался: лягушка уже опустилась и скоро выскочит из уха. Поторопить ее можно так: утром выходить из села, первому встречному кланяться до земли и просить прощения. Человеку говорить: «Прости меня, раб или раба Божия». Животному: «Прости, если я тебя бил, прикажи гаде выскочить из моей головы». Перед собакой, кошкой, зайцем и лисой извиняться не надо.

Лечение снова не вышло. В селе уже так боялись лягушки, что близко к мужику не подходили. Поутру несчастный бродил за околицей и не мог найти живого существа, чтобы извиниться. Он не знал, что делать. На его счастье, в село заехал фельдшер, дал порошков. Крестьянин поправился и вернулся к привычной жизни¹⁵.

Лягушки, домовые, лихорадки, колдуны – далеко не весь список; в болезнях и недомоганиях могли обвинить еще и чертей.

Если лечь в постель и не перекреститься, то злые духи могут во сне испортить человека, так что потом он не скоро поправится от таких болезней, которые напустят злые духи¹⁶.

Злые духи насылают болезни, но только на тех, кто делает что без молитвы. Так, если без молитвы напьешься, то черт непременно пустит в пойло какую-нибудь болезнь. Если на казенке [место около печки. – А. Н.] ляжешь без молитвы, то тоже захвораешь, потому что на казенке большая чертова дорога. Если утром без молитвы перейдешь порог, то тоже захвораешь, потому что тут постоянно ходят черти¹⁷.

Сопоставить «медицинские» и «народные» болезни невозможно. Это две несовместимые системы. Работавшие в деревнях земские врачи постоянно выслушивали от крестьян жалобы: «заболел, когда мочился против ветра», «сделалась болезнь с ночи», «от худого часа приключи-

¹³ Заленский Э. Я. Из записок земского врача: деревенская эпидемия, народное знахарство. Псков, 1908. С. 15–16.

¹⁴ Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010. С. 112.

¹⁵ Сел. Георгиевка // Восточный вестник. 1903. 27 ноября. № 259.

¹⁶ АРЭМ. Д. 426. Л. 14.

¹⁷ АРЭМ. Д. 15. Л. 6.

лось», «черти в пузе завелись», «пуп рассыпался», «кишки пропрели», «алистрический червь дыхнул».

По словам врачей, некоторые признания звучали юродством¹⁸. Им приходилось ломать голову, что означают всевозможные *хрешки, подмикитки, варворки, хоровины, хомутины, колухи, поволоухи, хыркухи*. Выслушивать целые поэмы, в которых отразилась известная любовь народа к поэзии: «Да вот как внутри-то у меня как голубь какой клубком взвернется, да вверх и потяне, а посла вниз. Да так в груди-то и ссе, и ссе»¹⁹.

По дороге к врачу. Картина Юзефа Рышкевича, 1898 г.
National Museum in Warsaw

Многие приходили к докторам уже с готовым, самостоятельно поставленным диагнозом и просили определенное лекарство. Выбор лекарств при этом был удивительным. Случалось, вся деревня требовала порошок от мигрени. После расспросов выяснялось: порошок помог от головной боли одному мужику и заработал репутацию верного средства. С тех пор его пили от желудочных колик, присыпали им порезы и ожоги. Находилось место и символизму. Больные крестьяне прилепляли к язвам выписанный рецепт («грамотку») в полной уверенности, что болезнь от этого пройдет²⁰. В этом отразилась принципиально важная особенность народной медицины: большинство ее методов и средств имело символический характер.

Почти любую хворь крестьяне могли приписать сглазу или притке – двум крайне широко понимаемым недугам, причины которых видели в сверхъестественных обстоятельствах.

Сглаз (уроки, узоры, озепы, призоры, приски, озыки, осуды) происходил от взгляда или, реже, завистливого слова. В деревнях сразу несколько человек имели репутацию глазливых. Их опасались, хотя не относились к ним враждебно. Считалось, человек получал свой портящий (змеиный, черный, хитрый) глаз не по собственной вине, а, например, за грехи родителей или оплошность матери, которая после отлучения от груди вновь разрешала ребенку сосать свое

¹⁸ Шишонко В. Несколько слов о простонародных средствах от различных болезней // Пермские ГВ. 1864. 20 марта. № 12.

¹⁹ Воронеж (корреспонденция «Недели») // Неделя. 1869. 16 марта. № 13.

²⁰ Высоцкий Н. Ф. Очерки нашей народной медицины... С. 96.

молоко. Или другим случайным способом: «в детстве нечистый с ним пошалил», человека самого сглазили и передали ему дурной глаз²¹. Встречалось мнение, что глазить вообще может каждый и это зависит не от человека, а от времени: бывают минуты, когда «все мы глазливые»²². Управлять своим несущим беды глазом было нельзя, он производил неприятности сам по себе. Крестьяне, за которыми укрепились слава глазящих, тяготились ею и старались не смотреть на что-то пристально и долго.

Сглазить могли не только здоровье, но и хозяйство, скотину, любое дело. Поэтому людям с дурным глазом не рассказывали о хорошем, не показывали красивого, зато постоянно жаловались на неудачи и плохую жизнь, чтобы не позавидовали.

Заметив глазящего, крестьяне складывали пальцы в кукиш и приговаривали оберег-присказку, например: «Чур нас вокруг, хлеб-соль-избушка»²³. Кукиш советовали складывать из пальцев левой руки. Иногда рекомендовали делать кукиш не простой, а особенный: большой палец между средним и безымянным.

На человеке сглаз проявлялся общим упадком сил, сонливостью, частыми головными болями, дурным настроением, усталостью. Обычным симптомом признавали зевание. Нельзя связать сглаз с четким набором диагнозов. Порезы с ушибами тоже могли приписать сглазу: мол, от сглаза человек ударился или неловко взялся за нож и порезался. «Без большой натяжки все болезни можно подвести под эту категорию», – писали из Архангельской губернии²⁴.

Сглаз был одним из наиболее распространенных недугов, с которым крестьяне ходили к знахаркам. Точнее, крестьянки. Мужчины, как и теперь, лечиться не любили, терпели до последнего и в конце концов прибегали к радикальным мерам: пили едкие средства и выпускали побольше «дурной» крови.

²¹ РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 302.

²² История, этнография, фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 1. Кореновский район. Краснодар, 2015. С. 214.

²³ Г. Р. Из уголка Пермского края // Северный край. 1901. 17 марта. № 71.

²⁴ Бич. Знахарство и медицинская помощь (письмо из Поморья) // Архангельск. 1909. 27 августа. № 189.

Сечка – инструмент для вскрытия кровеносной жилы и пускания крови.

© Фото М. Архангельского

От сглаза избавлялись с помощью заговоров и наговоренной воды, которой умывали лицо, смывая сглаз. Записаны сотни заговоров от сглаза, многие сводятся к тому, что больного спасает святой, ангел или Богоматерь.

На море, на океане, на острове на Буяне сидят Клеймонт Папаринский и Василий Лекаринский и тугой лук натягивают, коренну стрелу натягивают.

Коль скоро летит коренна стрела, толь же скоро прицы, призоры прочь выходите. Бело пришло – бело прочь поди; черно пришло – черно прочь поди; красно пришло – красно прочь поди.

От девки шимоволоски, от бабы простоволоски, от красного глаза, от русого волоса, от своей худой думы.

Ключ в море, замок в роте.
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь²⁵.

Разнообразными были и защитные меры, преимущественно тоже заговорные. К примеру, девушке считалось полезным погладить себя по заду, затем той же рукой провести по лицу и сказать: «Какая ты у меня неглазливая, такая бы и я неглазливая была»²⁶.

Притка – второй распространенный и очень расплывчатый недуг, чей формальный четкий диагноз составить невозможно. Основной ее симптом – внезапная, сильная, резкая боль. Притка всегда случалась вдруг. Само название нередко становилось глаголом: «попритчилось», «приключилось», «привиделось». В Ярославской губернии в притке винили самого больного, который ненароком оскорбил матушку землю. Ему советовали идти туда, где впервые почувствовалась боль, и девять вечерних и утренних зорь просить у земли прощения²⁷. В Смоленской губернии говорили: притка происходит от того, что человек наступил на след лешего или домового²⁸. В Новгородской ее звали «поглумом» и тоже приписывали воздействию нечистой силы²⁹. Во Владимирской притка стала особым духом «прытком», о котором, впрочем, кроме имени, ничего не известно.

²⁵ Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (очерк из быта поморов) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 1. С. 12.

²⁶ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 188.

²⁷ РКЖБН. Т. 2. Ч. 1. С. 190.

²⁸ АРЭМ. Д. 1650. Л. 24.

²⁹ РКЖБН. Т. 7. Ч. 3. С. 497.

Леший. Иллюстрация из приложения к газете «Петербургский листок». Неизвестный художник, № 29, 1910 г.

Из личного архива автора

Есть еще дух, называемый «прыток», то есть когда вдруг, без всякой причины, заболит нога, рука, спина, то говорят: «попритчилось» или «повстречалось», и деревенские знахарки тогда наговорами на соль и на воду лечат от «прытка»³⁰.

Вероятно, у «прытка» не было образа. Таких обезличенных персонажей среди духов болезней хватает. В других культурах подобные прытке внезапные боли называли ударами, уко-

³⁰ АРЭМ. Д. 64. Л. 306–4.

лами, выстрелами и приписывали колдунам или демонам, которые пускали в людей невидимые стрелы. Чаще всего это, кажется, были невралгические боли, вывихи, прострелы в пояснице, иногда сердечные приступы. Впрочем, могла оказаться любая другая болезнь, чью причину крестьянин затруднился бы назвать, – от простуды до сумасшествия. Лечили притку наговоренными средствами (дегтем, маслом, салом, водкой), которые принимали внутрь или втирали в больное место. Могли разыгрывать коротенький ритуальный диалог.

Больной ложился через порог избы вниз животом, головой в избе, ногами в сенях, на спину ему клали березовый веник, и знахарка легонько ударяла топором по венику.

– Чего рубишь? – спрашивал больной.

– Притку.

– Руби ее больней.

Вопросы с ответами повторялись трижды³¹. Мы с ними еще встретимся.

Сглаз и притка – показательные примеры. Происхождение большинства недугов крестьяне объясняли не естественными, а сверхъестественными причинами. По словам изучавших народную медицину врачей, она была в первую очередь мистической (термин Н. Ф. Высоцкого³²) или суеверной (термин Г. Попова³³) терапией.

Болезни от естественных причин деревня тоже знала, но и они имели очень расплывчатый диагноз, им нельзя подобрать соответствие в научной медицине.

Например, дурная кровь. В деревне говорили, что из-за тяжелой работы и «подъемов» тяжестей кровь портится и надо время от времени ее сливать. Порченную кровь звали натужной, застоявшейся, лишней или прямо вредной и обвиняли в упадке сил, болях в разных частях тела, даже в кошмарах: это дурная кровь ударила в голову. Ломит кости или жилы тянет – это ходит дурная кровь; покрылась сыпью кожа – лишняя кровь просится наружу. Для научной медицины недуги, происходящие от дурной крови, оказывались чем угодно, включая рак желудка. Кровь выпускали, или, как говорили крестьяне, бросали, особые специалисты – рудометы (от слова «руда» – так называли кровь). Рудометы прикладывали к артерии («жиле») особый инструмент сечку, которую делали из обломков косы, и ударяли колотушкой. Из пореза лила кровь. Жилы раскрывали в любой части тела – на руке, спине, ноге, у виска. Пускали кровь со стакан или два за один раз, простодушно считая: чем больше сольется, тем полезнее. Если пациенту делалось дурно, рудомет поил его холодной водой, чтобы взбодрить, и продолжал работу. Нередко пациент падал в обморок.

Метод был поразительно популярным. На многих крестьянских телах врачи наблюдали сплошные поля шрамов и рубцов от сечки³⁴. По оценке земских докторов, от кровопускания возникало малокровие, аневризмы (расширения) кровеносных сосудов и заражение крови, потому что сечку промывали редко. Летальные исходы от кровопускания тоже случались.

Молодой крестьянин почувствовал себя плохо, родные решили: кровь мучает. Послали за рудометом, спустили стакан. Больному стало хуже, семья подумала, что причина – в малом количестве выпущенной «руды». Снова пригласили рудомета, выпустили еще стакан. Осмотревший его после второго кровопускания врач сказал, что состояние уже безнадежное³⁵.

Смертельные случаи объясняли не ошибками рудометов, а другими причинами.

Крестьянин Смоленской губернии возвращался поздней осенью с пирушки, пьяным свалился с лошади в лужу, пролежал всю ночь. С тех пор почувствовал, что у него «по всему корпусу стала кровь ходить». Пошел к кузнецу бросить кровь, на следующий день умер. В деревне

³¹ АРЭМ. Д. 1517. Л. 54.

³² *Высоцкий Н. Ф.* Очерки нашей народной медицины... С. VII.

³³ *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина... С. 217, 396.

³⁴ *Заленский Э. Я.* Из записок земского врача... С. 127.

³⁵ *Хвальтский Г.* О кровопускании, именно о том, что пускать кровь, или, как говорят, метать руду, без совета врача не только бесполезно, но и губительно // *Мирское слово.* 1869. 1 ноября. № 21.

объяснили: сам виноват, потому что кузнец говорил, чтобы по дороге домой не спал, а мужик не вытерпел и заснул – вот и отправился на тот свет³⁶.

Ошибками в обрядах объясняли многие ситуации, о них еще будет повод рассказать.

Вторым частым недугом, который объясняли более-менее естественными причинами, были проблемы с пупом. По объяснению крестьян, пуп – это центр и основа человека. Иногда он будто бы сдвигался со своего места и переворачивался, рассыпался, даже прирастал к спине. Главными симптомами были рези и колики в животе. Чтобы избавиться от боли, пуп возвращали на место. Знахарь ощупывал живот больного и, если не находил пуп внутри, продолжал искать в других частях тела. Поиски могли затягиваться надолго. Одна крестьянка уверяла, что ее пуп нашли в пятке³⁷. Возвращали пуп с помощью массажа или скалки, которой прокатывали по животу. Использовали и горшок: его ставили на живот с зажженной бумажкой или конопляной веревочкой внутри. Процесс называли «метание горшка». В силу известного физического закона кожа, а за ней и внутренности, втягивалась в горшок. Знахарь тянул его вверх, стараясь поднять повыше. Когда больной начинал кричать, горшок снимали или разбивали.

Кроме пупа, мог сдвинуться мозг: если болел затылок – мозг сдвинулся назад; если виски – вбок. Больной сжимал в зубах какой-нибудь предмет, и по предмету с силой били ладонями³⁸.

Между сглазом и сместившимся мозгом, между порчей и «дурной кровищей» очень зыбкие проницаемые границы. Объяснить боль могли и приткой, и лишней кровью. А народная медицина была подлинным хаосом, со множеством диагнозов для каждого названия.

Нашлось здесь место и особым злым духам, которым приписывались некоторые заболевания.

В русской культуре специальных духов болезней немного, примерно десяток. Воплощенных в более-менее оформленные персонажи – четыре: холера, лихорадка, оспа, коровий мор. Однако и здесь нет четкости: холеру смешивали с вредителями-отравителями, а коровий мор – с ведьмами-оборотнями. Еще более смутные образы – у духов детских болезней. У них были имена (*грызь, ночница, переполох, ревун*), с ними боролись, как с нечистой силой, однако они не имели ни облика, ни характера, ни биографии. «Эти персонажи обладают “нулеморфным” показателем с точки зрения ипостаси, облика, локуса и т. д.», – пишут современные исследователи³⁹. Наконец, как особого духа болезней можно рассмотреть напущенную колдунами и ведьмами порчу-икоту.

Крестьяне боролись с ними по-разному. Некоторые методы были поистине удивительными.

Во Владимирской губернии безумие приписывали влиянию особого духа – лиха. Больного для исцеления вели в жарко натопленную баню, ставили рядом с ним подарки банному духу: ковригу хлеба, соль и бутылку водки, – после чего просили банника прогнать лиха. Сумасшедшего оставляли на час, и, если за это время хлеб, соль или водка оказывались тронутыми, считалось, что банник согласился оказать услугу и безумец выздоровеет⁴⁰.

Единой модели не прослеживалось. С разными духами болезней крестьяне справлялись по-разному. Некоторых старались испугать, других – обмануть, от третьих прятались и убегали, четвертых отдавали другому человеку, или угощали, или убивали.

³⁶ Самоврачевание (письмо из Смоленской губернии) // Неделя. 1891. 6 октября. № 40.

³⁷ Суеврия крестьян села Песчаного Пудожского уезда // Олонецкие ГВ. 1900. 26 октября. № 126.

³⁸ Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губ. // ЖС. 1897. Вып. 1. С. 81.

³⁹ Блинова Е. Ю., Лоскутова Д. Н. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян // ЖС. 2020. № 4. С. 19.

⁴⁰ АРЭМ. Д. 31. Л. 71–72.

Глава 2. Духи детских болезней

Крестьянский младенец с первого вздоха сталкивался с духами болезней.

На свет он появлялся в мало приспособленном для родов месте: бане, сарае, овине, чулане, за печкой или даже в самой печке. Он не случайно рождался в темноте, в окружении сена, пыли и копоти. Никто посторонний не должен был это увидеть. Лучше, если вообще никто про роды не знал. Широко распространенное в деревнях поверье утверждало: если о родах догадывался случайный человек, особенно незамужняя девица, матери приходилось мучиться дополнительно за его грехи. Чем больше людей знало, тем тяжелее получались роды. Кроме того, о родах мог услышать колдун и «запереть» их. Роды могли сглазить, и тогда они шли несколько дней.

Красноречивая деталь: при схватках крестьянки, скорее всего, молчали и опасались кричать, чтобы до последнего утаить момент родов⁴¹. Скрывались они не только от людей, но и от злых духов, чтобы не навредили ребенку и матери. Точно так же крестьяне скрывали многие важные дела и начинали их в ночи, опасаясь колдунов, сглаза и нечистой силы. Мужчины задолго до рассвета шли на первое засеивание полей и на первую в сезоне рыбалку. Переезжать в новую избу тоже старались по ночам.

⁴¹ *Седакова И. А.* Крик в поверьях и обрядах, связанных с рождением и развитием ребенка // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 106.

Русская крестьянская семья. Картина В. С. Крюкова, 1887 г.
Wikimedia Commons

Лучшим местом для родов считался хлев, потому что там появился на свет Иисус Христос⁴², и поэтому там рожать было будто бы легче всего. Если не получалось уйти в хлев, шли в любое другое укромное место. К родам крестьянки никак не готовились. Большинство буквально до схваток выполняли все свои обязанности: готовили, ухаживали за скотиной, пряли, ткали, мыли белье, пололи огороды.

Крестьянин смотрит на жену прежде всего как на работницу, и часто она и приобретает в семье из-за лишних рук, и потому от работы ее не может избавить даже беременность⁴³.

Доходило до того, что уже младенец из промежности показывался, а женщина все бегала по хозяйству⁴⁴. Домашние не обращали внимания на беременность, а порой не догадывались о ней. Иногда о беременности и родах не знал даже муж.

Олонецкая крестьянка носила четвертого ребенка. С началом схваток она подготовила все необходимое и вечером, когда боли усилились, тайком ушла в баню, провела там ночь, однако не разродилась. Утром вернулась в избу, приготовила еду, накормила детей, весь день занималась делами, к ночи тихонько отправилась в баню, ни слова не сказав близким. Только на второе утро муж узнал, что жена не может разродиться⁴⁵.

⁴² *Крестьянин Сергей Лебедев. Суеверия и обычаи в приходах Долоцком и Старопольском Гдовского уезда (из записок местного старожилы) // Гдовско-Ямбургский листок. 1873. 7 апреля. № 14.*

⁴³ *Попов Г. Русская народно-бытовая медицина... С. 333.*

⁴⁴ *РКЖБН. Т. 1. С. 321.*

⁴⁵ *Сельские повитухи в Олонецкой губернии // Олонецкие ГВ. 1876. 28 апреля. № 30.*

Другая крестьянка рассказывала, как хитро обманула домашних, «чтобы не догадались» о родах. После ужина ее стало мутить, она поняла, что близятся схватки. Стояла зима, идти в хлев было холодно. Женщина сказала, что простыла, и полезла греться в печку, где и родила⁴⁶.

Соблюдение тайны было основным, но далеко не единственным правилом во время беременности. Запреты интересны, потому что показывают отношение деревни к здоровью и символизму. Запреты различались от деревни к деревне. Наиболее часто встречались три: не перешагивать через коромысла, веревки и грабли; не бить животных; не пугаться. В противном случае мать с младенцем ожидали неприятности. Мать переступит через вожжи – ребенок запутается в ее кишках и удушится. Перешагнет через коромысло – родится горбатым. Ударит животное – будет волосатым. Испугается – на ребенке появится родимое пятно той формы, чего испугалась мать.

Табу исчислялись десятками, некоторые звучали необычно. Будущей матери запрещали плевать при виде гадости, иначе у младенца будет вонять изо рта (таких «душноротых» детей с детства приучали курить табак, чтобы убрать неприятный запах⁴⁷).

Роды нередко заставляли крестьянку врасплох, и она рожала в поле, в лесу, на дороге. Отходила в кусты, тужилась, перерезала пуповину серпом или ножом и возвращалась к работе, а младенца клала рядом, завернув в платок. «Во всякой деревне можно указать несколько случаев, когда крестьянки “распастываются” в поле на полосе, отправившись туда на работу, или под кустом, поздно вечером возвращаясь с полевой работы домой», – писали из Сибири⁴⁸. Большею частью крестьянки рожали самостоятельно, в одиночку⁴⁹. В Прикамье они смеялись: «Легко рожать-то. Натужилася, потужилася [...] – и готово, родила»; «Рожу, [...] ребенку пинка дам, чтоб заорал, и все нормально»⁵⁰.

⁴⁶ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина... С. 336.

⁴⁷ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожиланаселения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. 1915. Вып. IV. С. 371.

⁴⁸ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожиланаселения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. 1915. Вып. IV. С. 360.

⁴⁹ Крестьянин Сергей Лебедев. Суеверия и обычаи...

⁵⁰ Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX – XX вв. Усолье. 2004. С. 110.

Тихвинская женщина в повойнике.

Ф. Г. Солнцев «Одежды Русского государства», 1831 / Wikimedia Commons

Олонецкие мужики говорили с иронией о женщинах: «Наши жены рожают, как коровы, без всякой помощи и бабок: выбросила, опросталась от брюха – и пошла сама топить баню и носить воду, а потом уже посылает за старухой, крестьянской бабкой, чтобы та в баню пришла, вымыла новорожденного и пуповину отрезала, а потом и саму родильницу вымыла и слов дала ей от болезни, а младенцу – от двенадцати грыж»⁵¹.

Повитух звали на помощь при первых родах молодой крестьянки или в трудных случаях. В их задачи входила не только помощь роженице (в основном символическая), но и защита младенца от духов болезней, в первую очередь от грызи.

Грызъ (*грысть, грысь, грызло, грыза, грызун, грызуха*) отгоняли немедленно после родов. Название духа (в форме «грыжа») вошло в медицинскую терминологию, при этом диагноз очень сильно сократился. В народной медицине грызь имела намного более широкое значение, чем грыжа у медиков. «Медицинская» грыжа, то есть выпячивание внутренних органов, в традиции была лишь видимым следом, признаком духа-грызи, а точнее, попыткой этого духа выбраться из тела наружу. Грызъ могла и не оставлять следов, а просто глотать внутри кости и внутренности. Четко связать грызь с определенным диагнозом невозможно. Под гры-

⁵¹ Сельские повитухи в Олонецкой губернии...

зью понимали что угодно: от зубной боли до неправильных месячных. В заговорах часто называли двенадцать разновидностей грызи – обычное число в характеристиках народных болезней. Например, грызи нутряные, костяные, головные, хребтовые, колючие, болючие, белые, красные, каменные, женские.

Наиболее распространенной считалась детская пупочная грызь, а ее признаком был выпиравший наружу пупок. Живот, по словам земских медиков, вздувался из-за мышечных усилий от постоянного плача младенца и выталкивал пупок. Знахарки видели в этом стремление грызи проделать в ребенке дыру и вылезти наружу. Чтобы избавить младенца от грызи, некоторые знахарки сразу «помогали» грызи выбраться из тела и не обрезают, а перегрызали пуповину младенца⁵². Другие кусали новорожденного за пупок (мальчика – еще и за член) и разыгрывали с матерью традиционный ритуальный диалог.

⁵² РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 566.

Русская крестьянская семья. Иллюстрация из книги Р. Лайолла «Русские нравы и подробная история Москвы», 1823 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.